
«А я любил советскую страну...»
Геннадий Красников

Скорей не потому, а вопреки,
Что над страной моей погасло
солнце,
Я вас люблю, родные старики,
Матросова люблю и краснодонцев.

О, сколько было строек и атак
В моей стране, исчезнувшей!..
Однако
Ее люблю, не глядя на ГУЛАГ
И несмотря на травлю Пастернака.

Теперь она отчетливой видна,
Там дух иной и истинность – иная,
Где радио хрипело допоздна,
Что широка страна моя родная.

Мне до сих пор ночами напролет,
Из памяти виденья доставая,
Русланова про «Валенки» поет
И три танкиста гонят самураев...

Там Сталинград еще не Волгоград,
Там «Тихий Дон», там песенное
слово.
И в ноябре, как водится, парад –
Под первый снег... В каникулы...
Седьмого...

Мне в детские видения слова
Впечатались, чтоб нынче
повториться:

«Столица нашей Родины –
Москва...»
Я там же... Не Москва
моя столица...

Смахну слезу... На несколько минут
Прижмусь щекой к отцовскому
портрету.
Седьмое ноября... У нас – салют...
Во славу той страны, которой нету.

Вячеславу Лютому

Ничто не бывает печальной,
Чем Родина в сизом дыму,
Чем свет над излучиной дальней,
Кольшущий зябкую тьму.

Ничто не бывает созвучней
Неспешному ходу времен,
Чем крик журавлиный, разлучный,
Буравящий даль испокон.

И сам ты на сирой аллее,
Такою ненастной порой,
Вдруг станешь светлей и добрее
Средь этой тоски золотой.

Поймешь – все концы и начала
Смешались средь поздних разлук.
И что-то в тебе зазвучало,
Когда уже кончился звук...

Золотистым нерезким просветом
Осень тихо на кроны сползла.

И такое явилось при этом,
Что в душе – ни печали, ни зла.

Осветила... Зажгла... Заалела...
Утолстила нагие стволы.
У хатенки, что никла несмело,
Сразу сделались ставни белы.

И среди векового раздора,
Где овраг, запустенье и глушь,
Чей-то голос запел без укора,
Будто вспомнив июльскую сушь.

Ну а после, чуть солнце в печали
Утонуло среди пней и грибниц,
Долго птицы о чем-то кричали,
Хоть казалось, что нет уже птиц...

Только дождь... Только ночь...
Только ветер.
Только слабо чадит огонек.
Только листья с нищающих ветел
Закружились... И путник продрог.

Натянул капюшон и не слышит,
Что кричит ему женщина вслед.
Только ветку рукою колышет,
Только щурится молча на свет.

На неверном свету догорая,
Утомясь от небесных щедрот,
Только капля сверкнет золотая
И, поблекнув, по куртке сползет.

Молча выпью остывшего чаю,
И взгрустну, что сквозь влажную
тьму

Никогда я уже не узнаю,
Что там вслед прокричали ему.

Я помню холодные женские руки,
Вечернее платье, разбитый бокал,
Коротенький миг – от любви
до разлуки,
И слово, что зря на ветру
расплескал.
Неверный, замедленный блеск
снегопада,
Снежинку, рассекающую стынувший
взгляд,
И губ единенье... И это: «Не надо...»,
И робкий порыв убежать
в снегопад.
Я силится что-то сказать...
Не хватало
Ни слов, ни дыханья, ни слез
из-под век...

И длинное платье с крылечка
сметало
За эти мгновенья нападавший
снег...
А после, оставшись один
с этой мукой,
Гадал, повторяя: «Душой
не криви...»,
Что ранит сильнее – любовь
пред разлукой,
Иль память, в разлуке,
о прошлой любви?

Капнет слезинка, плавно двоя
Дали косые.
Это Россия, **друзи моя**,
Это Россия!
Тусклый пейзажик, хоть и уныл,
Неба раздольней.
Как не поверить шелесту крыл
Над колокольней?

Как не поверить шумной гульбе
В домике нищем,
Как не поверить черной трубе
Над пепелищем?

Тощий багульник... Вялый вираж
Птицы над пожней.
Поздно... Возница выпивший наш
Едет порожний.

Едет, обиду в сердце тая,
Согнута выя.
Это Россия, **друзи моя**,
Это Россия...

Вдали от России...

Вдали от России
непросто быть русским поэтом,
Непросто Россию
вдали от России беречь.
Быть крови нерусской...
И русским являться при этом,
Катая под горлом великую русскую
речь.

Вдали от России
и птицы летят по-другому –
Еще одиноче безрадостно тающий
клин...

Вдали от России
труднее дороженька к дому
Среди потемневших,
среди поседевших долин.

Вдали от России...
Да что там – вдали от России,
Когда ты душою порой вдалеке
от себя...

Дожди моросили...
Дожди, вы у нас не спросили,
Как жить вдалеке от России,
Россию любя?..

Вдали от России
круты и пологие спуски,
Глухи алтари,
сколь ни падай в смятении ниц.
Но крикни: «Россия»...
И эхо ответит по-русски,
Ведь русское эхо нерусских
не знает границ...

Шепоткам назло, глазам колючим,
Недругам, что ждут невдалеке,
Я пишу на русском, на могучем,
На роднящем души языке.

Я пишу... И слышится далече,
Сквозь глухую летопись времен,
Исполинский рокот русской сечи,
Звонниц серебристый перезвон.

И живот в бою отдав за друга,
Друг уходит в лучшие миры...
И по-русски просит пить пичуга,
И стучат по-русски топоры.

И рожден родного слова ради,
Будет чист прозренья чудный миг,
Как слезинка кроткого дитяти,
Что стекла на белый воротник...

Поземка кружит, одинокость струя,
Без сна и предела.
Еще не стемнело, родная моя,
Еще не стемнело.

И чудится – кто-то подергал замок
И смолк за порошей.
Иль просто буран на мгновенье
замолк
Под снежною ношей.

И тень мне на книгу ложится твоя,
Душа заалела...
Еще не стемнело, родная моя,
Еще не стемнело.

Холодной ладони коснется рука,
И смолкнут созвучья.

Лишь ворон в окошке слетит
свысока
На мерзлые сучья.

У старых записок мохрятся края,
Обычное дело.
Еще не стемнело, родная моя,
Еще не стемнело...

Среди зловещей тишины, –
Ни Марс, ни Геба, –
Жена и небо мне нужны,
Жена и небо.

Года спешат по виражу
Под вспышкой дальней...
Жене и небу расскажу
Свой сказ печальный.
Забыв Бодлера и Басё,
Шепну натужно:
«Жена и небо – это все,
Что в жизни нужно...»

Ну а в небесную страну
Сведет потреба –
Хочу лишь, Господи, жену
Увидеть с неба.

Чтоб убедиться, как – боса, –
Бредет по краю.
И с болью смотрит в небеса...
Зачем?.. Не знаю...

Кто там плачет и кто там хохочет,
Кто там просто ушел в облака?
То ли кречет кричит, то ли кочет...
То ли пропасть вдали, то ль река...
И гадаю я, тяжко гадаю,
Не поможет здесь даже Господь, –
Где прошли мои предки по краю,
Чем томили суровую плоть?
Зажимаю в ладонях монетку
И бросаю в бездонье пруда –
Робкий знак позабытому предку,
Чтобы молвил – откуда?.. Куда?..
И вибрирует гул непонятный
Под ладонью, прижатой к земле,
И какие-то сизые пятна
Растворяются в сумрачной мгле.
И вдруг чувствую, дрожью
обьятый,

Посреди перекрестья дорог,
Как ордою идут азиаты
На восток... На восток...
На восток...

Но не зрится в прозрениях редких,
Что подобны на детский наив, –

То ль с ордою идут мои предки,
То ль с дружиной, орды супротив?
И пока в непроявленной дали
Растворяются тени теней,
Чую – токи идти перестали
А вокруг всё – мрачней и темней.
И шатаюсь я вдоль раздорожий,
Там, где чавкает сохлая гать,
И всё Бога пытаю: «Я – божий?..»
А Господь отвечает: «Как знать..»

Нынче небо журавлит и плачет,
А назавтра снова журавлит.
В сентябре мне слышится иначе
Папин голос из-под серых плит.

Он звучит немного глуховато:
«Что, сыночек?.. Истины не те?..»
И печаль подсвечником прижата
К надмогильной папиной плите...

Тлеет мусор в выкопанной яме...
И в промозглый, меркнувший зенит
Всё летит душа за журавлями,
В белом оперении летит...

Судьба поэта

Жена заплачет...
Родина взгрустнет...
И рамку поместят в родной газете.
И всё... Финита... Что творил –
не в счет,
За творчество ты больше
не в ответе.

Отведав славы, тоже в свой черед,
Твой ученик уйдет к небесной цели.
Жена заплачет...
Родина взгрустнет...
А некрологи – скажут – устарели...

Его сменивший сумрачный пиит
Безвестным бросит мир сей
сиротливый.
Не будет слез... Отчизна
промолчит...
Жена взгрустнет... И выбросит
архивы...

Такое время... Сентябрьрит...
Всё птичьи свадьбы.
Как свадьба в воздухе парит! –
Не помешать бы!

Закрыли солнце... Полумгла...
Всё выше, круче.

Лишь брызжут с мокрого крыла
Искринки тучи.

Парят крикливою семьей
Почти по кругу.
Как бережет он, Боже мой,
Свою подругу!

Глаза поднимешь – слепнет взгляд,
Ликует стая.
Им вслед березы шелестят,
Листву роняя.

Припомнишь – искорка прожгла
Листок наемни.
Как в миг последнего тепла,
Как в день последний...

Где была излучина
Высохшей реки,
На простор измученно
Смотрят топольки.

Три листочка... Веточка...
И еще листок.
Деточка... Не деточка...
Куцый тополек.

Больно тонок – мается,
И обид не счесть.
Птицы опасаются
На него присесть...

А над хлипкой кроною,
В тучах – не резка,
Всё парит зеленая
Смертная тоска.

В общем всё, как давеча –
Только скрип и стон,
Только клекот галочий
С четырех сторон...

Полночь... Пусто... Одиноко...
Бренности печать.
В полутьме читаю Блока...
А кого читать?

В сотый раз прочту, ликуя,
Вновь под горлом ком.
Вновь о Родине пишу я...
А писать о ком?

Об Отчизне-недопроге...
В зрелости крещён,
Снова думаю о Боге...
А о ком еще?

Береза музыкой пропахла,
Пропахли музыкой шаги.
И лишь осины прутик чахлый
В тумане встал не с той ноги.

Он потемнел, он смотрит мрачно,
Вдоль ветра веточки клоня,
На то, как в прорези чердачной
С прищепки рвется простыня.

Всё рвется, бедная, наружу...
Ему ж не терпится – когда
Ее застиранную душу
Порыв снесет на провода?..

Чтобы оттуда в грязь и жижу
Она сползла, потрепетав,

Чтоб с долгим криком:
«Не-на-ви-жу!»

Угомонилась среди трав.

Чтоб ветер выл... Листы летели.
Раскрыло клювы вороньё.
И все с презрением глядели
На распростертую, её...

Лицом к врагу, спиной ли к другу –
И оглянуться не с руки.
Мы всё по кругу, всё по кругу,
Хотя казалось – напрямки...
И осознается едва ли,
Среди забот, среди разлук,
Что круг тревоги и печали –
Внезапно кончившийся круг...

АНАТОЛИЯ АВРУТИНА – С 70-ЛЕТИЕМ

Замечательный поэт из Минска, наш давний и постоянный автор Анатолий Юрьевич Аврутин в 2018 году отмечает свой 70-летний юбилей. От всей души хочется пожелать другу журнала «Вертикаль. XXI век» неиссякаемости творческой энергии.

Дорогой Анатолий Юрьевич! Продолжай радовать нас, читателей твоего огромного поэтического таланта, откровениями своей души ещё долгие и долгие годы. Пусть возглавляемый тобою журнал «Новая Немига литературная» остается одним из лучших среди других литературных журналов на постсоветском пространстве. Истинным журналом русского мира, в котором твоё творчество заняло своё достойное место.

Здоровья, добра, процветания и многих книг тебе впереди.

*Обнимаю от всего сердца. Всегда твой,
Валерий Сдобняков*